

УДК 314.74 + 331.91 (471+510)

Иванов С.А.
Ivanov S.A.

Миграция китайского капитала и труда в Приморском крае

Chinese Capital and Labor Migration in Primorsky Territory

В статье на основе данных статистики и полуструктурированных интервью рассмотрена взаимосвязь миграции китайского капитала и труда в Приморском крае РФ. Выявлены её масштабы и причины, а также проанализированы стратегии компаний с китайским капиталом в условиях сокращения квот на китайскую рабочую силу.

Ключевые слова: трудовая миграция, иностранный капитал, Китай, Приморский край России, кадровая политика

The article examines interrelation between migration of Chinese capital and labor in the Primorsky territory of Russia, its scale and causes. The author also analyses the strategies of firms with Chinese capital under diminishing of foreign worker quotas. The empirical basis of research is statistical data and semi-structured interviews.

Key words: labor migration, foreign investment, China, Primorsky territory of Russia, personnel policy

Постановка проблемы

Тезис о необходимости привлечения иностранной рабочей силы на Дальний Восток России в условиях дефицита местных трудовых ресурсов стал догмой. Его нельзя оспорить посредством анализа на макро- и мезо-уровне, когда исходными точками анализа являются регионы (региональное хозяйство) или отрасли (отраслевое хозяйство). Но при взгляде на микро-уровень, где базовым вопросом является, почему предприятие N решило привлечь иностранных работников, вышеуказанный тезис становится не столь очевидным, и проявляются не только демографические причины в объяснении необходимости использования иностранной рабочей силы. Я хочу показать это на примере использования китайской рабочей силы (КРС) в Приморском крае предприятиями с китайским капиталом (ПКК).

Существует два объяснения, почему мы выбрали для анализа КРС в увязке с приморскими ПКК. Во-первых, масштабы привлечения китайских работников такими предприятиями достаточно велики, чтобы

ИВАНОВ Сергей Александрович, младший научный сотрудник отдела международных отношений и проблем безопасности Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток). **E-mail:** o2isao2@mail.ru

Статья подготовлена при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда № 14–31–01253 «Государство и китайский капитал на юге Дальнего Востока России (1987–2013 гг.)» и гранта Российского научного фонда (проект № 14–18–00161).

Таблица 1. Количество китайских рабочих, на привлечение которых были выданы разрешения предприятиям (по формам собственности), Приморский край, июнь 2014 г.

Форма собственности	Количество предприятий	Количество китайских рабочих
Предприятие, полностью принадлежащее китайским инвесторам	70	4417
Совместное предприятие с китайским капиталом	20	649
Российское предприятие, аффилированное с китайскими предпринимателями	13	994
Российское предприятие	244	7325
Прочие	7	61

Источник: [8; 10]

не быть случайной и частной особенностью иностранной трудовой миграции в Приморском крае. В 2014 г. из 354 предприятий, получивших разрешение на привлечение КРС, 90 являлись предприятиями с китайскими инвестициями, и ещё 13 – предприятиями, аффилированными с китайским бизнесом¹. Эти 103 фирмы получили право на ввоз в Приморский край 6060 китайских рабочих или 45% всей КРС, на которую была выделена «квота» (см. *Таблицу 1*). В целом, почти четверть всего планируемого на 2014 г. потока иностранной трудовой миграции в Приморье должна была исходить из КНР по линии предприятий с китайскими инвестициями.

Во-вторых, связь китайских инвестиций и рабочей силы в Приморье интересна в силу непосредственной близости КНР. В России существуют представления, что Китай целенаправленно поощряет трудовую миграцию на Дальний Восток РФ для решения проблем безработицы в своих приграничных районах, расширения сфер влияния, получения экономической выгоды за счёт пополнения бюджета от перечислений китайских мигрантов [4, с. 71-72], и ищет любые возможности для экспорта своих людских ресурсов [3, с. 79-80]. В нашем исследовании мы затронем вопрос о роли китайского государства в мотивации ПМК в привлечении китайских рабочих.

В-третьих, анализ на уровне предприятий позволяет дополнить существующий корпус исследований по теме иностранной трудовой миграции. Обычно в научных публикациях о КРС на Дальнем Востоке РФ анализируются и прогнозируются масштабы миграционных потоков на основе данных официальной статистики или изучаются качественные характеристики и особенности социо-культурной адаптации китайской

¹ Аффилированность была установлена нами либо в ходе социологических исследований в Приморском крае, либо на основе формальных факторов. К ним мы относили две ситуации. Первая – когда генеральный директор ПМК одновременно является учредителем российского предприятия, которое подает заявку на привлечение КРС. Вторая – когда юридические адреса ПМК и полностью российской компании совпадают, и последняя занимается видом деятельности, характерным для китайского бизнеса (например, производство обуви, одежды и т.д.).

трудоустройственной миграции на основе анкетирования¹ [1; 7; 5, с. 222-250]. Наиболее близкое отношение к заявленной нами проблеме имеет исследование роли китайских и российских посредников в системе привлечения КРС в одной из коллективных монографий Иркутского МИОНа [9, с. 202-248]. Однако масштаб и качественные характеристики привлечения китайским бизнесом КРС до сих пор не являлись предметом отдельного анализа.

Основу нашего исследования составляют официальные отчёты, данные статистики и серия социологических интервью с российскими муниципальными властями, руководителями китайских и российских предприятий, проведённых летом 2014 г. Интервью собирались в рамках научного проекта о проблемах государственного регулирования китайского бизнеса на юге Дальнего Востока, и неизбежно затрагивали вопросы китайской трудовой миграции.

Фактор китайского государства в экспорте рабочей силы на Дальний Восток РФ

Говоря о ПКК и привлечении ими рабочей силы из КНР, в первую очередь необходимо определить роль китайского государства в этом явлении.

О политике властей Китая в отношении экспорта трудовых ресурсов известно немного, если не принимать во внимание огромный пласт псевдонаучных работ о демографической экспансии и жёлтой угрозе КНР.

Большим заблуждением является тезис о полном контроле китайского государства над процессом вывоза рабочей силы. В начале 2000-х гг. китайское государство отказалось от роли монополиста в сфере экспорта трудовых ресурсов. При этом данная реформа фактически узаконила теневой частный рынок, который постепенно складывался с начала 1980-х гг. [15, с. 54-61]. Определённым порогом для входа в этот бизнес с 2001 г. стал специальный резервный капитал в размере 0,2-1 млн. юаней, который компания, экспортирующая рабочую силу, должна была хранить в банке на случай возникновения сложностей у мигрантов за границей. С августа 2014 г. размер залога стал составлять 3 млн. юаней [17]. В настоящий момент бизнес может быть организован по-разному. Например, в уезде Синь провинции Хэнань экспорт трудовых мигрантов осуществляет одна компания, соответствующий госорган обеспечивает административную поддержку и контроль, и один центр профессиональной подготовки занимается обучением [21, с. 77]. Однако в большинстве случаев на местном уровне количество посреднических организаций или организаций, напрямую использующие КРС для ведения своей хозяйственной деятельности за рубежом, не ограничивается. Более того, несмотря на ужесточение госрегулирования количество нелегальных фирм не снижается, что приводит к утрате какого-либо контроля над отраслью и большими рисками для самих трудовых мигрантов в КНР [15, с. 48]. В приграничном с Россией Яньбянь-Корейском автономном округе были случаи, когда жертвами мошенников становились

¹ Важной особенностью социологических опросов среди китайских граждан в РФ является место их проведения и категории анкетированных. В силу разной доступности респондентов в выборку попадали в основном студенты/преподаватели из университетов или малые предприниматели и обслуживающий персонал с рынков/ресторанов/фирм, являющихся на самом деле незначительной и специфичной прослойкой трудящихся мигрантов (соответственно за исключением студентов). Такие опросы вносят значительный вклад в понимание некоторых особенностей китайской миграции, но ни в коем случае не могут отражать качественные характеристики всей совокупности китайских граждан, работающих в РФ.

несколько десятков тысяч человек, желавших выехать за рубеж на заработки [20, с. 13].

В одном из крупнейших пунктов поставки трудовых мигрантов в Приморье, уезде Дуннин, местные власти обеспечивают информационную и образовательную поддержку в сфере трудовой миграции, но не в состоянии обеспечить её надёжный контроль. По данным дуннинского отделения Народного банка Китая, в последние годы этот уезд отправляет в Россию около 20 тыс. рабочих, из них только тысяча проходит все необходимые легальные процедуры. Основным каналом экспорта рабочей силы являются частные предприятия [22, с. 47]. Роль местных властей заключается в основном в предоставлении бесплатных услуг профессиональной переподготовки граждан, а также распространении русско-китайских разговорников и брошюр, дающих базовые знания о российском праве, экономике, обществе и т.д. Например, в последние годы в уезде действует программа «Янгуан» для повышения уровня агротехнических знаний крестьян, многих из которых затем едут в Россию на заработки [16, с. 52]. В рамках этого проекта мобильные учебные группы проводят краткосрочные курсы (4 дня) для сельских жителей уезда.

Вторым заблуждением о китайской политике по экспорту рабочей силы является её большая значимость для социально-экономической жизни страны. Безусловно, выезд части граждан за рубеж для работы снижал давление на рынке труда КНР, однако на незначительное количество. По китайским данным, число китайских трудовых мигрантов, пребывавших за границей на конец 1984 г., составляло немногим менее 50 тыс. человек, на конец 1994 г. – 220 тыс., на конец 2004 г. – 530 тыс., и на конец 2013 г. – 850 тыс. [24, табл. 11-21]. Эти цифры не столь велики на фоне почти 800 млн. экономически активного населения. Китайские масштабы экспорта рабочей силы меркнут перед филиппинскими (8,2 млн. человек в 2006 г.), индонезийскими (2,7 млн. – в 2007 г.), мьянманскими (1,8 млн. – 2006 г.) [12, с. 14].

Другой причиной активной политики китайского государства по экспорту трудовых ресурсов было получение валюты, которой не хватало в стране до конца 1990-х гг. Однако и здесь китайское государство не достигло значительных успехов: денежные переводы из-за рубежа от китайских рабочих в 1993 г. составляли около 1% от валютной выручки, получаемой при экспорте товаров [11, с. 192]. В 2013 г. переводы зарубежных китайцев (не обязательно трудовых мигрантов) составили 60 млрд. долл. США, уступив лишь индийским показателям [13, с. 5]. На фоне общего размера китайской экономики эти деньги не столь значительны и по соотношению объёма переводов к ВВП и сопоставимы с соответствующими показателями многих стран Европы [14].

В целом, в КНР экспорт трудовых ресурсов за границу – это не более чем один из видов экономической деятельности, поощряемых правительством, но не являющийся для китайского государства жизненно важным.

Особенности и причины привлечения китайских мигрантов предприятиями с китайским капиталом

Фирмы с китайским капиталом очень активно используют КРС. Если исходить из того, что в 2012 г. на территории Приморского края было зарегистрировано всего 207 предприятий с участием китайского капитала [2, с. 8], и к началу заявочной кампании 2013 г. по привлечению иностранной рабочей силы их количество не могло возрасти радикально, то, по примерным оценкам, около 40% ПКК в Приморье получи-

Таблица 2. Десять крупнейших одобренных заявок на привлечение КРС среди компаний с китайским капиталом в Приморском крае, 2014 г.

Название	Сфера деятельности компании	Учредители (конечный собственник)	Количество китайских работников
ООО ТПК "Цзисинь"	Обрабатывающие производства	Компания "Цзисинь", уезд Дуннин	618
ООО "Компания "Армада"	Сельское хозяйство	Рус-Агри Индастрис Инк (компания "Хуасинь", уезд Дуннин)	300
ООО "Владстройгрупп"	Строительство	Граждане РФ (в других компаниях являются генеральными директорами компаний, учрежденных компанией "Хуасинь", уезд Дуннин)	270
ООО Велес	Торговля и услуги	Цуй Гуйфа	265
ООО МТПК "Канцзи"	Обрабатывающие производства	Компани "Цзисинь", уезд Дуннин, и "Канцзи", уезд Дуннин и др.	226
ООО "Хотэй"	Строительство	Цуй Гуйфа, н/д	181
ООО "Юе Цзин Плюс-1"	Обрабатывающие производства	Цзун Сянго, г. Суйфэньхэ	175
ООО ПромЛесЭкспорт	Торговля и услуги	Сюе Гоцяя, н/д	163
ООО Альфа	Сельское хозяйство	Компания "Армада" (компания "Хуасинь", уезд Дуннин) и гражданин РФ	160
ООО "Дальневосточная промышленная зона города Суйфэньхэ"	Строительство	Компания "Юаньдун гуне юаньцой", г. Суйфэньхэ	159

Источник: [8]

ли разрешение на ввоз КРС в 2014 г. При этом, скорее всего, количество ПКК, подавших заявки, было большим.

Ввоз китайской рабочей силы предприятиями с китайским капиталом – это не новелла социально-экономической жизни Приморского края. Ещё в 1995 г. в Амурской области спрос на китайских рабочих почти полностью исходил от ПКК (ГААО. Ф. 2286. Оп. 1. Д. 165. Л. 19-220). Однако есть большое отличие текущей ситуации от ситуации почти двадцатилетней давности. В 1995 г. китайские и совместные предприятия в подавляющем большинстве случаев выполняли подрядные работы в сфере строительства и не вели постоянной хозяйственной деятельности на российской территории. В 2014 г. как минимум наиболее крупные импортёры КРС вели постоянную хозяйственную деятельность в сфере лёгкой промышленности, сельском хозяйстве, строительстве и торговле (См. Таблица 2).

Основные импортёры китайских трудовых ресурсов из числа ПКК в Приморье – компании приграничных с Россией уездов и муниципалитетов КНР, которые начинали свой бизнес в сфере приграничной торговли (Цзисинь, Хуасинь, Хуаюй и т.д.), а затем диверсифицировали его. Соответственно, место происхождения трудящихся-мигрантов связано с происхождением основных китайских инвесторов в Приморье. Соответственно, основным экспортёром трудовых ресурсов в Приморский край является провинция Хэйлунцзян, а уездным лидером – Дуннин. В 2013 г. провинция направила в Россию и Южную Корею¹ около 140 тыс. трудовых мигрантов [18]. По заявлению секретаря парткома уезда Дуннин ещё в 2007 г. уезд направлял в Россию и Корею ежегодно около 13 тыс. трудящихся (при населении уезда в 210 тыс. человек), что обеспечило высокий душевой доход среди местных крестьян [23]. Из трёх китайских работников, с которыми нам удалось провести короткие беседы в Октябрьском районе и Уссурийском городском округе Приморского края во время полевых исследований, все трое были из уезда Дуннин.

Ответ на вопрос, почему ПКК привлекают на работы трудящихся из КНР, не так очевиден, как может показаться. В основном фирмы с китайским капиталом сосредоточены в незанятых местными предпринимателями и не в самых привлекательных с точки зрения работника секторах: сельском хозяйстве, строительстве, производстве обуви, одежды, кирпича. Поэтому замечание одного из управляющих сельскохозяйственных ПКК вполне оправдано: «Я сегодня готов взять русских «миллионами», но их нет, они не идут сюда работать. У меня заявки в центре занятости лежат круглый год. Как я могу не привезти людей?» (интервью, управляющий ПКК № 2, июль 2014 г.). Одно из ПКК в сфере лёгкой промышленности в ходе частого взаимодействия с центром занятости, само отговаривает этот орган «...присылать российских граждан, т.к. они просто не потянут» (интервью, управляющий ПКК № 1, июль 2014 г.).

Однако во всех этих секторах работают (например, в сфере сельского хозяйства и строительства) или ранее работали (например, в сфере производства обуви и одежды) предприятия, не использующие иностранную рабочую силу. В связи с этим, вряд ли неспособность местных жителей к какому-либо труду, на которую часто указывают российские и иностранные предприниматели, является основополагающим фактором привлечения КРС. Среди управляющих ПКК, которые имели опыт работы как с мигрантами, так и с местным населением, можно было встретить готовность использовать российскую рабочую силу:

С русскими-то лучше намного работать, между слов можно вставить «приятное» для связки, чтоб лучше доходило. Со Средней Азии у нас

¹ В Республику Корею выезжали в основном этнические корейцы.

есть работники. Китайцы не трудолюбивее русских. Да и дело в том, что сюда приезжают те китайцы, которые в своей стране не пригодились (*интервью, управляющий ПКК № 3, июль 2014 г.*).

Руководители российских компаний и ПКК, имеющих опыт привлечения иностранной рабочей силы, указывали, что в конечном итоге привлечение КРС по сравнению с использованием труда местного населения не выгоднее с точки зрения выплачиваемой заработной платы, к тому же сам процесс привлечения мигрантов дорогостоящ. Однако привлечение мигрантов-трудящихся даёт возможность минимизировать социальную ответственность перед работниками, предполагающую «лишние» расходы и, что немаловажно, системную кадровую политику предпринимателя. Приглашённый мигрант-трудящийся не будет жаловаться в контрольные органы, готов работать по 12 часов в день без выходных и т.д.

Опыт работы одного из российских предприятий в сельском хозяйстве говорит о том, что российские работники, по крайней мере, в этой сфере могут работать при определённой кадровой политике:

У нас в штате 270 человек, 150 человек – простые рабочие, в основном местные. Проблемы с пьянством, дисциплиной есть, конечно, но мы боремся. В целом с работниками стало лучше. Люди почувствовали, что для личных дел у нас есть оплачиваемые отпуска. Люди поняли, что их не обманывают. Как здесь работает большинство сельхозпредприятий? В страду нанимают работников, а потом выкидывают, без соцпакета, скажем так. У нас всё с соцпакетом, и люди стали держаться (*интервью, замдиректора российской компании № 4, Приморский край, август 2014 г.*).

Одновременно массовое использование КРС позволяет минимизировать вложения в основной капитал. Необходимость этой минимизации обусловлена двумя причинами. Во-первых, инвестор изначально не имеет достаточно ресурсов для вложений в дорогостоящее оборудование. Во-вторых, инвестор не хочет изначально рисковать вложениями в основной капитал, менее мобильным фактором производства по сравнению с трудом.

Первую причину неявно подтверждают и сами управляющие китайских компаний:

Сегодня на десять тысяч голов (свиней – прим. И.С.) можно обойтись и десятью работниками. Но для этого нужно сначала заработать несколько миллионов долларов, которые затем вложатся в оборудование. Только как их заработать, если не дают этого сделать, не дают людей... (*интервью, управляющий ПКК № 2, июль 2014 г.*).

Относительно степени важности второй причины мы можем делать лишь догадки. Она чётко проявляется лишь в одной важной особенности кадровой политики крупных ПКК. В этих компаниях административный аппарат, включая генерального директора, курирующего все текущие вопросы, состоял из граждан РФ. Он, безусловно, в первую очередь выполнял важную функцию связи предприятия с локальными административной, социальной и хозяйственной структурами. Но в российских условиях немаловажной функцией российского менеджмента также является обеспечение постоянной работы предприятия, т.к. представителей китайского руководства компании могли просто не пустить в Россию. Представители китайского руководства двух интервьюируемых нами ПКК либо находились в Китае и не могли въехать в Россию, либо отбывали тюремное наказание в России. На одном из ПКК пресечение

российскими контрольными органами миграции китайского менеджмента является обыденным явлением:

Руководителей с китайской стороны часто не пускают сюда. Только он вошёл в курс дела, с паспортом у него какие-то проблемы, уехал в Китай, а его не запускают больше... Проблем-то много – вода, свет – их решать-то надо, а не с кем (*интервью, управляющий ПКК № 1, Приморский край*).

Того китайца, который со мной трудился здесь 12 лет, к сожалению, спецслужбы «убрали» в Китай... Двенадцать лет он «диверсировал», и никто ничего не видел, а сейчас вдруг увидели что-то. Дурдом (*интервью, управляющий ПКК № 2, Приморский край*).

По мнению управляющих ПКК, такая миграционная политика в отношении китайского менеджмента компаний заставляет осторожней относиться к вложениям в Россию других китайских инвесторов.

Стратегии в условиях нехватки или сокращения квоты

Наше исследование проводилось в период, когда в Приморье на протяжении нескольких лет постепенно снижали квоту на иностранную рабочую силу для сельскохозяйственных предприятий:

Сегодня вице-губернатор дал специальную команду снижать квотирование людей. Мы начинали восемь лет назад с пятиста голов свиней, сейчас у нас их около десяти тысяч. Чтобы кормить этих свиней, мне ж надо выращивать урожай... Я подаю на 100 человек, а они дают мне 40... У меня сегодня дилемма: мне дали свиноводов и птицеводов, но не дали растениеводов и овощеводов (*интервью, управляющий ПКК № 2, Приморский край, июль 2014 г.*).

По мнению вышеуказанного информанта, решение о сокращении во многом связано с личными интересами региональных властей. Однако такая политика не редко применялась в различных субъектах РФ, а в октябре 2014 г. Минтруда предложило ограничить использование иностранной рабочей силы в сельском хозяйстве, строительстве и транспортной отрасли по всей стране [6].

Сокращение квоты на иностранную рабочую силу поставила ПКК перед сложным выбором: поддерживать или менять текущую модель ведения бизнеса, основанную на массовом использовании труда. Второй вариант предполагает модернизацию производства. Факт того, что, по крайней мере, в животноводстве, это возможно без потери конкурентоспособности предприятия подтверждают российские предприниматели:

У них (китайских компаний – прим. И.С.) очень большой процент ручного труда, на который они закрывают глаза. Почему? Да потому что такая технология... Себестоимость у них растёт, но им же надо людей задействовать. А цена конечной продукции не отличается. Я был на ляличевском свинокомплексе (одно из крупнейших свиноводческих комплексов китайских собственников – прим. И.С.), у них 3000 свиной и 40 работающих. У нас одновременного содержания 6500 свиной и 12 работающих (интервью, замдиректора российской компании № 4, Приморский край, август 2014 г.).

Обходные пути увеличения привлекаемой КРС не всегда выгодны, да и вряд ли спасут в случае значительного сокращения квоты. Один из китайских директоров заявил газете «Цзинцзи гуаньча бао», что подал в Приморском крае в 2013 г. заявку на ввоз 142 китайских рабочих, при этом ему надо было больше рабочих. Местные российские власти пореко-

мендовали ему учредить ещё одну компанию и подать дополнительную заявку от её имени, но предприниматель отказался от этой идеи в силу высоких затрат на содержание ещё одного юрлица [19].

Альтернатива замещения китайских трудовых мигрантов другими иностранными или российскими гражданами рассматривается китайскими предприятиями сельского хозяйства как возможная, но требующая больших усилий:

Мы сейчас прорабатываем вопрос привлечения северокаорейских рабочих... С работниками из Средней Азии у нас уже был опыт работы, и я им остался доволен. Российских граждан тоже можно привлекать, но они, во-первых, не склонны к монотонному труду, во-вторых, безответственны (интервью, управляющий ПКК № 2, Приморский край, июль 2014 г.).

Более того, как минимум крупные сельскохозяйственные ПКК готовы работать в условиях сокращения КРС:

У меня сейчас всё нормально. Кто хочет работать, тот работает... У нас 30 российских рабочих. Производство не встанет, если вдруг не дадут квоту. Механизаторы-то наши есть, молодёжь приходит, мы их учим (интервью, управляющий ПКК № 3, июль 2014 г.).

В сельском хозяйстве ПКК давно уже не обходятся только КРС. На краткосрочные сезонные работы они вынуждены приглашать местных жителей. «Заработная плата» в данном случае посуточная и составляет от 500 до 1000 рублей. В сельских районах местные власти и жители указывают, что к таким заработкам склонны маргинальные элементы. Китайские бригады также не довольны качеством работы таких временных трудящихся, но у них нет выбора, т.к. бригаде из десятка китайских рабочих в условиях низкой механизации не осуществить срочные работы на больших площадях (интервью, китайский бригадир на ферме № 5, Приморский край, август 2014 г.). В некотором смысле ПКК вынуждены дублировать практики советского прошлого, когда на уборку урожая или другие срочные работы направлялись студенты, коллективы предприятий и т.д.

Промышленные производства с китайским капиталом сокращение квоты не затронуло. Текущую нехватку трудовых ресурсов одно из интервьюируемых нами предприятий компенсирует за счёт использования труда северных корейцев (интервью, управляющий ПКК № 1, июль 2014 г.), очевидно, через другую компанию, т.к. эта ПКК не получала разрешений на ввоз работников из КНДР в 2014 г.

Заключение

Смогут ли компании с китайскими инвестициями обойтись без рабочей силы из КНР? Наш анализ показывает, что это будет им вполне по силам, однако им придётся менять свою кадровую политику и увеличивать вложения в основной капитал. Очевидно, с этой задачей смогут справиться только наиболее крупные китайские компании. Важным фактором выживания последних будет поддержка китайского государства, которая в настоящее время выражается в льготном кредитовании и субсидировании зарубежных инвестиционных проектов.

Импорт предприятиями с китайским капиталом рабочей силы из КНР напрямую не связан с деятельностью китайского государства. Мотивация ПКК в привлечении КРС обусловлена экономическими факторами – уходом от необходимости проведения системной кадровой политики и минимизацией капитальных вложений.

Литература

1. Амирханян А. Г. Аккультурация трудовых мигрантов из Китая в Приморском крае // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2013. № 161. С. 110-116.
2. Деятельность организаций с участием иностранного капитала в Приморском крае: Сборник с аналитической запиской. Владивосток: Приморскстат, 2013. 37 с.
3. Зайончковская Ж. Перед лицом иммиграции. Соседство Китая поможет решить проблему острого дефицита рабочей силы // Pro et Contra. 2005. № 3 (30). С. 72–87.
4. Каширская А.В. Проблема миграции в приграничном сотрудничестве России и Китая // Управленческое консультирование. 2013. № 4. С. 69-74.
5. Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Вост. кн., 2009. 512 с.
6. Панов П. Правительство вводит новые ограничения на работу мигрантов // Известия. 29.10.2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://izvestia.ru/news/578502> (дата обращения: 23.11.2014).
7. Рязанцев С.В. Китайская миграция в России: тенденции и подходы к регулированию // Миграционное право. 2009. № 1. С. 31-33.
8. Сведения о государственной регистрации юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, крестьянских (фермерских) хозяйств // Федеральная налоговая служба. URL: <http://egrul.nalog.ru/> (дата обращения: 01-12.10.2014).
9. Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации: монография / науч. ред. проф. В. И. Дятлов. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. 396 с.
10. Уточненные сведения о рабочих местах, на которые предполагается привлечение иностранных работников в 2014 году в Приморском крае // Департамент труда и социального развития Приморского края [Электронный ресурс]. URL: http://zanprim.regiontrud.ru/App_Shared/WebParts/DataViewers/PopUpDocument.aspx?docid=5aa7d97d-78ae-4150-b78e-06ba3e59fe69 (дата обращения: 10.09.2014).
11. Hugo G., Stahl C. Labor Export Strategies in Asia // International Migration: Prospects and Policies in a Global Market / eds. Massey D.S., Taylor J.E. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 174-200.
12. Martin P. Another miracle? Managing labour migration in Asia // United Nations Expert Group Meeting on International Migration and Development in Asia and the Pacific. 2008. 25 p.
13. Migration and Remittances: Recent Developments and Outlook // Migration and Development Brief. № 22. World Bank, 2014. 31 p.
14. Personal remittances, received (% of GDP) // World Bank [Электронный ресурс]. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/BX.TRF.PWKR.DT.GD.ZS> (дата обращения: 20.11.2014).
15. Xiang Biao. Predatory Princes and Princely Peddlers: The State and International Labour Migration Intermediaries in China // Pacific Affairs. 2012. Vol. 85. No. 1. P. 47-68.
16. 王娟. 东宁县对俄农业合作开发建设问题研究 = Ван Цзюань. Изучение вопросов формирования и развития сотрудничества уезда Дуннин с Россией в сфере сельского хозяйства // Тунцзин юй цзысюнь. 2014. № 2. С. 51-53.
17. 对外劳务合作风险处置备用金管理办法 = Правила управления резервным фондом для предотвращения рисков в области экспорта трудовых ресурсов // Министерство коммерции КНР [Электронный ресурс]. 18.07.2014. URL: <http://www.mofcom.gov.cn/article/b/bf/201407/20140700671994.shtml> (дата обращения: 05.09.2014).

18. 马晓成. 去年我省17万农民出国务工 = Ма Сяочэн. В прошлом году 170 тысяч хэйлунцзянских крестьян поехали за рубеж работать // Хэйлунцзян Жибао. 16.02.2014. С. 1.
19. 庞丽静. 黑龙江迎纳沿边“红利” = Пан Лицзин. Хэйлунцзян получает приграничный «дивиденд» // Цзинцзи гуаньча бао. 06.04.2013. С. 13
20. 朴娟姬, 李瑛. 东北振兴背景下延边劳务经济面临的机遇与对策 = Пяо Цюаньцзи, Ли Ин. Возможности и политика на рынке труда Яньбяня в условиях реализации стратегии возрождения Северо-Востока // Далянь дасюе сюебао. 2012. № 1. С. 11-15.
21. 孙先玉. 关于新县涉外劳务输出产业的新思考 = Сунь Сяньюй. Анализ индустрии экспорта трудовых ресурсов за рубеж в уезде Синь // Дуйвай цзиньмао. 2013. № 8. С. 77-78.
22. 赵忠臣, 段会涛. 东北沿边口岸地区对俄劳务输出问题探寻 = Чжао Чжунчэнь, Дуань Хуэйтао. Анализ вопросов экспорта трудовых ресурсов в Россию приграничными городами Северо-Востока // Хэйлунцзян цзиньжун. 2012. № 6. С. 46-47
23. 专访东宁县委书记陈殿运 = Интервью с секретарем парткома уезда Дуннин // Хэйлунцзянское отделение Синьхуа. 23.04.2007. [Электронный ресурс]. URL: http://www.hlj.xinhuanet.com/xw/2007-04/23/content_9867565_1.htm (дата обращения: 03.10.2011).
24. 中国统计年鉴-2014 = Статистический ежегодник Китая 2014. – Пекин: Чжунго тунци чубаньшэ. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Amirkhanyan A. G. Akkul'turatsiya trudovykh migrantov iz Kitaya v Primorskom krae // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena. 2013. № 161. S. 110-116.
2. Deyatel'nost' organizatsij s uchastiem inostrannogo kapitala v Primorskom krae: Sbornik s analiticheskoy zapiskoj. Vladivostok: Primorskstat, 2013. 37 s.
3. Zajonchovskaya ZH. Pered litsom immigratsii. Sosedstvo Kitaya pomozhet reshit' problemu ostrogo defitsita rabochej sily // Pro et Contra. 2005. № 3 (30). S. 72–87.
4. Kashirskaya A.V. Problema migratsii v prigranichnom sotrudnichestve Rossii i Kitaya // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2013. № 4. S. 69-74.
5. Larin A.G. Kitajskie migranty v Rossii. Istoriya i sovremennost'. M.: Vost. kn., 2009. 512 s.
6. Panov P. Pravitel'stvo vvodit novye ogranicheniya na rabotu migrantov // Izvestiya. 29.10.2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://izvestia.ru/news/578502> (data obrashheniya: 23.11.2014).
7. Ryazantsev S.V. Kitajskaya migratsiya v Rossii: tendentsii i podkhody k regulirovaniyu // Migratsionnoe pravo. 2009. № 1. S. 31-33.
8. Svedeniya o gosudarstvennoj registratsii yuridicheskikh lits, individual'nykh predprinimatelej, krest'yanskikh (fermerskikh) khozyajstv // Federal'naya nalogovaya sluzhba. URL: <http://egrul.nalog.ru/> (data obrashheniya: 01-12.10.2014).
9. Transgranichnye migratsii i prinimayushhee obshchestvo: mekhanizmy i praktiki vzaimnoj adaptatsii: monografiya / nauch. red. prof. V. I. Dyatlov. – Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2009. 396 s.
10. Utochnennye svedeniya o rabochikh mestakh, na kotorye predpolagaetsya privlechenie inostrannykh rabotnikov v 2014 godu v Primorskom krae // Departament truda i sotsial'nogo razvitiya Primorskogo kraja [Электронный ресурс]. URL: http://zanprim.regiontrud.ru/App_Shared/WebParts/DataViewers/PopUpDocument.aspx?docid=5aa7d97d-78ae-4150-b78e-06ba3e59fe69 (data obrashheniya: 10.09.2014).

11. Hugo G., Stahl C. Labor Export Strategies in Asia // International Migration: Prospects and Policies in a Global Market / eds. Massey D.S., Taylor J.E. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 174-200.

12. Martin P. Another miracle? Managing labour migration in Asia // United Nations Expert Group Meeting on International Migration and Development in Asia and the Pacific. 2008. 25 p.

13. Migration and Remittances: Recent Developments and Outlook // Migration and Development Brief. № 22. World Bank, 2014. 31 p.

14. Personal remittances, received (% of GDP) // World Bank [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/BX.TRF.PWKR.DT.GD.ZS> (data obrashheniya: 20.11.2014).

15. Xiang Biao. Predatory Princes and Princely Peddlers: The State and International Labour Migration Intermediaries in China // Pacific Affairs. 2012. Vol. 85. No. 1. P. 47-68.

16. 王娟. 东宁县对俄农业合作开发建设问题研究 = Van TSzyuan'. Izuchenie voprosov formirovaniya i razvitiya sotrudnichestva uezda Dunning s Rossiej v sfere sel'skogo khozyajstva // Tuntszin yuj tszysyun'. 2014. № 2. S. 51-53.

17. 对外劳务合作风险处置备用金管理办法 = Pravila upravleniya rezervnym fondom dlya predotvrashheniya riskov v oblasti ehksporta trudovykh resursov // Ministerstvo kommertsii KNR [EHlektronnyj resurs]. 18.07.2014. URL: <http://www.mofcom.gov.cn/article/b/bf/201407/20140700671994.shtml> (data obrashheniya: 05.09.2014).

18. 马晓成. 去年我省 17 万农民出国务工 = Ma Syaochehn. V proshlom godu 170 tysyach khehjluntszyanskikh krest'yan poekhali za rubezh rabotat' // KHehjluntszyan ZHibao. 16.02.2014. S. 1.

19. 庞丽静. 黑龙江迎纳沿边“红利” = Pan Litszin. KHehjluntszyan poluchaet prigranichnyj «dividend» // TSzintszi guan'cha bao. 06.04.2013. S. 13

20. 朴娟姬, 李瑛. 东北振兴背景下延边劳务经济面临的机遇与对策 = Pyao TSzyuan'tszi, Li In. Vozmozhnosti i politika na rynke truda YAn'byanya v usloviyakh realizatsii strategii vozrozhdeniya Severo-Vostoka // Dalyan' dasyue syuebao. 2012. № 1. S. 11-15.

21. 孙先玉. 关于新县涉外劳务输出产业的新思考 = Sun' Syan'yuj. Analiz industrii ehksporta trudovykh resursov za rubezh v uezde Sin' // Dujvaj tszin'mao. 2013. № 8. S. 77-78.

22. 赵忠臣, 段会涛. 东北沿边口岸地区对俄劳务输出问题探寻 = CHzhao CHzhunchehn', Duan' KHuehjtao. Analiz voprosov ehksporta trudovykh resursov v Rossiyu prigranichnymi gorodami Severo-Vostoka // KHehjluntszyan tszin'zhun. 2012. № 6. S. 46-47

23. 专访东宁县委书记陈殿运 = Interv'yu s sekretarem partkoma uezda Dunning // KHehjluntszyanskoe otделение Sin'khua. 23.04.2007. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.hlj.xinhuanet.com/xw/2007-04/23/content_9867565_1.htm (data obrashheniya: 03.10.2011).

24. 中国统计年鉴-2014 = Statisticheskij ezhegodnik Kitaya 2014. – Pekin: CHzhungo tuntszin chuban'sheh. 1 ehlektron. opt. disk (CD-ROM).